

Дан Борисов

**Взгляд на жизнь
с другой стороны**

книга вторая

Ближе к вечеру

Дан Борисов
Взгляд на жизнь с другой
стороны. Ближе к вечеру
Серия «Взгляд на жизнь», книга 2

Текст предоставлен правообладателем

http://www.litres.ru/pages/biblio_book/?art=3952225

*Взгляд на жизнь с другой стороны. Ближе к вечеру: Accent Graphics
Communications; Montreal; 2012*

ISBN 9781476353661

Аннотация

Любая человеческая жизнь построена по законам классической трагедии, в ней всегда можно увидеть некоторую экспозицию – это условия жизни, родители и ближайшее окружение. Имеется много сюжетных линий: карьерная, любовная, духовная, наконец. Причем этих линий много. Однолюбы попадают редко. А конец всегда трагичен. Конец у всех один, как говорят. А я в этом сомневаюсь. Пойдемте со мной, мой читатель, и я вам покажу, что степень трагичности конца зависит от развязки, которую мы сами себе устраиваем

Содержание

Часть первая	5
1. Дэжавю	5
2. С понедельника – новая жизнь	27
3. Охота пуще неволи	34
Конец ознакомительного фрагмента.	42

Дан Борисов

Взгляд на жизнь с другой стороны. Ближе к вечеру

*Я и ты, нас только двое?
О, какой самообман.
С нами стены, бра, обои,
Ночь, шампанское, диван.
С нами тишина в квартире
И за окнами капель,
С нами всё, что в этом мире
Опустилось на постель.
Мы лишь точки мироздания,
Чья-то тонкая резьба,
Наш расцвет и угасанье
Называется – Судьба.
Мы в лицо друг другу дышим,
Бьют часы в полночный час,
А над нами кто-то свыше
Всё давно решил за нас.
Валентин Гафт "Ты и Я"*

Часть первая

1. Дэжавю

Где-то в середине девяностых годов я зачем-то купил себе 21-ю Волгу выпуска 1967 года. Она блестела свежей краской и никелем. У неё всё было родное и мотор, и коробка, и даже резина на колёсах. Самое изумительное – диван передних сидений, который можно было разложить в виде огромной кровати. И сладковатый запах в машине тот самый, из детства. Так пахло даже в замызганных такси, возивших меня на вокзал, для поездки в Тулу.

Машина пришла от какого-то очень аккуратного деда из Чехословакии. Ретро, коллекционная машина и очень не дорого. Единственный недостаток – ярко зеленый цвет, в такие цвета на заводе эти машины не красили.

Любого другого человека, взявшего эту машину, я бы понял легко, но мне самому её брать было очень удивительно. Прежде всего потому, что я с детства не любил эту модель из-за лягушачьего внешнего вида и вечной расхлябанности. Не знаю еще почему, но не нравилась она мне. И вдруг купил по какому-то минутному капризу.

Я бы не стал и упоминать об этом случае, мало ли мы в жизни делаем ненужных покупок, но эта связана с очень

важным для меня открытием. Именно, благодаря странной ненужности, она позволила мне поймать дэжавю.

У подавляющего большинства людей, если не у всех, периодически случаются дэжавю. Еще одно, из них, из наиболее сильных в моей жизни, я опишу чуть позже. А что это такое, вообще, дэжавю? Большинство скажет, что это мимолетное видение или случайное ощущение того, что вот это мгновение уже было, что ты уже попадал в эту ситуацию. Игра мозга, дескать.

Вот с этого момента, разрешите мне не согласиться с большинством. Вот тут я поймал его, это дэжавю, за хвост. В этот раз это не было легким, хотя и смущающим душу впечатлением. Это было мощным захватывающим потоком. Чтобы пояснить, мне нужно вернуться на пару лет назад, когда мне приснился странный сон: я еду за рулем 21-й Волги зеленого цвета, выезжаю на Дмитровское шоссе у Нижних Лихобор, останавливаюсь, пропускаю троллейбус, слева от меня стоит гаишник и две машины, его и еще одна почти черная (сероватая от пыли). Сон этот запомнился мне с одной стороны, потому, что был очень ярким и, проснувшись, я видел это всё некоторое время, а с другой стороны совершенно несуразным – никогда я так вот не ездил на 21-й Волге и не нравится она мне, поэтому не возьму я её никогда. И долго я еще вспоминал этот сон и плевался, что не может такого быть.

И вдруг теперь я еду за рулем 21-й Волги зеленого цвета, выезжаю на Дмитровское шоссе у Нижних Лихобор, оста-

навливаюсь, пропуская троллейбус, слева от меня стоит гаишник и две машины, его и еще одна почти черная в пыли. Это явление состоялась в малые доли секунды. Я всё это увидел и вспомнил в деталях. Рядом со мной стоял тот же гаишник из сна и та же запыленная 24-ка. И троллейбус был тот же, и люди в троллейбусе – во сне и их я успел хорошо рассмотреть.

Так что же это такое? дэжавю? Игра мозга? Какой к черту мозг за два года до основного события может так порезвиться? Глупости всё это! Это что-то другое.

Какие выводы можно сделать из такого вот события? Очень много можно сделать выводов, но не сразу, потому что мы не готовы к кардинальным выводам, рушащим наши представления о жизни в целом. А я тогда, как многие другие, имел твердую философию, свою, отличную от других, но не выходящую за рамки привычных всем взглядов. То есть, выходящую, конечно, но не так далеко. Я частично признавал индийскую Сансару с её реинкарнацией. Представлял себе имеющими души не только людей и животных но и, скажем, планеты. Души космических тел я представлял себе богами в небесной иерархии высших существ, а человека промежуточным звеном в этой иерархии между животными и богами.

Кроме того, в своей философии я объединял религиозную и научную картины возникновения мира: развитие планеты Земля я видел циклическим, состоящим из ряда глобальных

катастроф, с полным возрождением до высшей стадии развития науки и техники, согласитесь, это парадоксально объединяет мысли фантаста Ивана Ефремова или Рея Бредбери с высказываниями библейского Экклезиаста о том, что всё уже было и ничего нового не будет.

Тогда примерно я начал писать роман «Судный день» на эту тему. Главный герой у меня в состоянии клинической смерти попадал на тот свет и узнавал многое о своих предыдущих жизнях, в том числе, о последней всемирной катастрофе. В конце книги он нашел столицу Атлантиды в Антарктике и... впрочем, не буду рассказывать, может, я этот роман еще опубликую, хотя вряд ли.

Дело в том, что я потерял мотивацию к обнародованию романов. Что я имею в виду под мотивацией? Для чего люди тратят время на написание всяческой ерунды и нервы для её напечатания? Прежде всего, для славы, почета и уважения со стороны окружающих и благодарных потомков. Сегодня я в это не верю и даже более того. Всё это прах и суета. Для денег? Чтобы хоть как-то прилично жить писательством, мало попасть в струю, надо еще писать ежедневно страниц по 10—20 – я этого не могу и не хочу.

Самой главной мотивацией для меня лично было то, что я хотел раскрыть людям глаза на что-то им неизвестное. Я думал тогда, что одной или серией книжек можно изменить взгляды людей на жизнь и, тем самым хоть немножечко изменить мир в лучшую сторону, но сейчас я совершенно точ-

но знаю, что это всё чушь собачья. Ни какой книжечкой и даже книжищей мир не изменишь.

Но тогда еще мотивация была, благодаря особенностям внутренней философии.

Что еще оригинального было в моей философии? Самое интересное – взгляд на теорию познания. В чем главное заблуждение существующих теорий в этой области? Большинство считают, что прирост знаний о мире дает только наука. Эта самая Наука исследует всё, ставит эксперименты, записывает результаты, накапливает их, делает выводы и так далее. В конечном счете, огромная свалка этого мусора и составляет сумму общечеловеческого познания. На мой взгляд, эта позиция совсем не выдерживает критики. Во-первых, большинство так называемых научных теорий – всего лишь набор ничем не подтвержденных гипотез, то есть предположений, запакованных в специально непонятную терминологию, придающую им умный вид. Предположения в свою очередь делаются после упрощения ситуации, путем введения постулатов.

Постулаты это особенно интересное явление. Когда мы в средней школе изучаем геометрию нам объясняют вроде бы что это такое. Нам говорят, что есть теоремы, которые надо доказывать и есть аксиомы (или постулаты), которые доказывать не надо, потому что и без этого всё хорошо. И подавляющее большинство людей так и считают всю оставшуюся жизнь, что эти постулаты (аксиомы) незыблемы и справед-

ливны априори. На самом деле, это совсем не так, потому что большинство жизненных задач имеет кучу неизвестных, а, как раз, вместо неизвестных и подставляются постулаты.

Представим себе, что нам нужно решить уравнение с пятью неизвестными. Это заведомо невозможно – такие уравнения не решаются. Что мы делаем? Объявляем четыре неизвестных из пяти постулатами и назначаем им произвольные значения. И всё становится замечательно – уравнение решено. Все довольны, все смеются. Правда же, смешно?

А ведь так поступают ученые в 99 случаях из 100. В области точных наук это не сказать, чтобы очень заметно, но возьмите биологию, историю, наконец, там этого просто нельзя не заметить.

В результате, современная наука, безапелляционно заявляя, что белых пятен в познании почти совсем не осталось, не знает, на самом деле, многих, самых элементарных, казалось бы, вещей. Например: она не знает, что находится внутри планеты Земля, не знает, почему не гаснет Солнце, не знает, как работает человеческий мозг. Да что там, даже в узко практических вопросах хватает преогромнейших дыр. Наука достигла грандиозных успехов в разнообразной электронике, не зная при этом, что такое **ЭЛЕКТРИЧЕСКИЙ ТОК**. Это так и есть, уверяю вас.

Если кто-то в этом, всё-таки, сомневается, объясню на примере. Представьте себе, что в неких сферах проходит научный диспут, ученый академик Комар спорит с профес-

соршей Мухой о внутреннем устройстве человеческого тела. По внешнему устройству у них полное согласие, за исключением, может быть, малоизученных зарослей волос и всё время закрытых промежностей. А вот внутреннее устройство вызывает постоянные споры. Академик Комар на основании данных систематического бурения в разных точках тела утверждает, что внутри человек полностью заполнен кровью, где не вставишь хоботок в скважину, везде кровь. Молодая профессорша Муха обоснованно возражает, ведь действительно, на поверхности тела систематически возникают вулканические образования темно красного цвета, из которых, в конечном счете, извергаются потоки желтоватой густой жидкости под названием гной. Отсюда Муха выводит новую, революционную теорию: кровь, на самом деле, это лишь смазка поверхностного слоя, а в глубинных слоях человек заполнен гноем и только гноем. Научной общественностью теория проф. Мухи признана прогрессивной и заслуживающей доверия.

Разве не так у нас изучается устройство Земли? Нас уверяют, что внутри Земля заполнена раскаленной магмой, а кто и где её видел эту магму, кроме как в вулканических извержениях? А представления о ядре еще бестолковой. Ядро у Земли появилось, когда ученые вычислили массу нашей планеты по формуле тяготения Ньютона. Эта масса оказалась так велика, что этого просто не может быть. Для того чтобы убрать несоответствие логике, в середину Земли вста-

вили фантастически тяжелое ядро и всем стало хорошо. Это как? Вставить в Землю непонятное ядро можно, а подвергнуть сомнению формулу тяготения нельзя? или хотя бы область её применения не распространять в космических масштабах?

То же самое, касается массы Солнца и процессов, происходящих там. Нечто подобное можно сказать о «теории» Дарвина и о многих других. А ведь нам неучам весь этот бред преподносится, как истина в последней инстанции.

Кому это будет интересно, я вернусь к этим вопросам позже, а сейчас только скажу, что в описываемые мной поры я придумал для себя теорию трех способов познания мира. В какой-то момент мне стало совершенно ясно, что искусство и религия являются такими же способами познания мира, как и наука, ничуть не в меньшей степени. Но об этом поговорим потом.

Одним словом, тогда я верил в то, что изложив в художественной форме свои научные и религиозно-эзотерические взгляды, смогу повлиять на людей, заставить их по-другому взглянуть на мир. И конечно, опять взялся за перо. Пером, правда, уже была клавиатура компьютера.

Но это потом, а сначала о выводах, которые с такой философией я мог сделать из моего открытия в области дэжавю.

Ну, во-первых, вывод, от которого просто нельзя отмахнуться: предсказания будущего, как общие, так и довольно точные, вполне возможны. Во-вторых, мир устроен совсем

не так просто, как это кажется.

И всё, собственно, дальше я не смог двинуться, потому что, если бы я двинулся дальше, моя философия полетела бы к чертовой матери, а она казалась мне такой стройной и убедительной. И, как любой другой человек, даже, не побоюсь этого слова, ученый, я отмёл или просто не захотел видеть естественных последствий такого знания. Обманывая сам себя, я сделал вид, что ничего особенного не произошло. Хотя и забыть этого момента мне не удалось уже никогда.

* * *

В первой книге я вам рассказывал о Внетелесных путешествиях (сокращенно ВТП), о резиновом времени, о том, что чуть не покончил с собой, когда узнал о внешнем воздействии на человека, но это были еще цветочки, причем цветочки приятные. Ну как же, смерти нет – есть переход в другой мир; наблюдает за нами кто-то типа ангела хранителя, ну и что? Обо всём этом я и раньше догадывался, не только читая эзотерику, но и чувствуя иногда стороннее воздействие. Мне кажется только очень нечуткий человек, дожив лет до пятидесяти не чувствовал никогда на себе необъяснимого стороннего воздействия. Поэтому, что из этого могло особенно так уж задеть мой внутренний мир, чтобы вышибить меня из колеи? Да ничего, всё это могло только укрепить меня в прежних мнениях.

Хуже всего получилось с воспоминаем о дэжавю. Вот здесь уже пошли ягодки. Первоначально я остановился в своих выводах о дэжавю на том, что предвидение будущего вполне возможно и, что всё не так просто, как кажется. И еще напомним само событие: «я еду за рулем 21-й Волги зеленого цвета, выезжаю на Дмитровское шоссе... Я всё это видел во сне года за два до этого и теперь вспомнил в деталях. Рядом со мной стоял тот же гаишник из сна и та же запыленная 24-ка. И троллейбус был тот же, и люди в троллейбусе – во сне я их успел хорошо рассмотреть».

По-настоящему осознать всю глубину события я смог только после ВТП. Главный ужас одной только возможности дэжавю состоит в том, что это подвергает сомнению саму свободу человеческой воли полностью и во всем её объеме.

После ВТП у меня пелена упала с глаз. Я понял реальное значение этого явления. Понял сразу, одномоментно. Это можно понять только в аналоговом режиме – в цифровой человеческой речи выразить такую массу информации почти не возможно, но я попробую, хотя бы частично.

Во-первых, видел я это не во сне, а в *сновидении*, а между этими понятиями слишком большая разница. Простой человеческий сон, даже «управляемый сон» – это что-то вроде художественного кинофильма, в котором ты сам выступаешь соавтором сценария и актером, а сновидение – это документальное кино, это другая реальность, смещенная по времени

или нет, неважно, потому что время в другой реальности не имеет значения. В одном из сновидений, например, я видел себя в прекрасном мундире изумительного изумрудного зеленого цвета за большим столом в богатом дворце – это было явно из прошлого, хотя до сих пор не могу определиться какого. А можно попасть и в будущее и точно так же не понимать, что это твоё будущее.

Не знаю, как узнавали об этом Нострадамус и Вольф Мессинг, но у меня пока единственная возможность это определить наверняка – повторно увидеть это уже в «реальной» жизни, то есть совместиться с тем, что ты уже однажды пережил, побывать опять там, где уже был, то есть окунуться в дэжавю.

Во-вторых, это вовсе не единичный случай. Я расскажу еще в этой книжке о дэжавю на ТСФ. Там было конечно гораздо проще, хотя очень неприятно было почувствовать совмещение двух себя – одного настоящего, а другого прошлого, но большой точности совпадения заподозрить было бы трудно. Ну действительно, какая-то маленькая лаборатория, ну три женщины за приборами. Плюс-минус по времени очень велик. Эти приборы находятся здесь уже много лет, ремонт помещения не делался никогда, да и женщины уже не один год стоят тут в этих же позах изо дня в день. Со всем другим дело там – на Дмитровке. Увиденное мной сочетание людей и предметов одномоментно, как картинка в калейдоскопе. Тряхнешь им еще раз – и всё опять поменялось.

Слишком много нестационарных предметов и слишком много людей, чтобы ошибиться. Я точно попал второй раз в одну и ту же точку пространства и времени.

Ну хорошо, пусть даже я ошибаюсь или выдумываю, но многие предсказания Нострадамуса сбылись. Вольф Мессинг предсказал массу событий и это задокументировано, в частности, говорят, он еще в 43 году точно предсказал Сталину дату окончания войны! Сталин прислал ему телеграмму с благодарностью за это 9-го мая 1945 года. А значит, что-то привело к этому. Что-то знало, что будет именно так, минута в минуту. А перефразируя Толстого: если есть хоть что-то, управляющее действиями людей, то не может быть свободной воли, ибо воля людей должна подлежать необходимости. Если есть хоть одно точно исполненное предсказание, то вся остальная жизнь должна быть подчинена этому.

А теперь, не спеша, поэтапно двинемся к выводам.

Сначала уже точная цитата из Л.Н. Толстого. Эпилог «Войны и мира». Я, если вы помните, перечитываю эту книгу каждый год, поэтому его мысли пришли мне в голову тут же.

Он пишет:

«Узнав из опыта и рассуждения, что камень падает вниз, человек несомненно верит этому и во всех случаях ожидает исполнения узнанного им закона.

Но узнав так же несомненно, что воля его подлежит законам, он не верит и не может верить этому...

Всякий человек, дикий и мыслитель, как бы неотразимо ему ни доказывали рассуждение и опыт то, что невозможно представить себе два поступка в одних и тех же условиях, чувствует, что без этого бессмысленного представления (составляющего сущность свободы) он не может себе представить жизни. Он чувствует, что, как бы это ни было невозможно, это есть; ибо без этого представления свободы он не только не понимал бы жизни, но не мог бы жить ни одного мгновения.

Он не мог бы жить потому, что все стремления людей, все побуждения к жизни суть только стремления к увеличению свободы. Богатство – бедность, слава – неизвестность, власть – подвластность, сила – слабость, здоровье – болезнь, образование – невежество, труд – досуг, сытость – голод, добродетель – порок суть только большие или меньшие степени свободы.

Представить себе человека, не имеющего свободы, нельзя иначе, как лишенным жизни».

Для чего, собственно, я привел здесь эти слова? Я решил поговорить со Львом Николаевичем, потому что мне самому не хочется возвращаться к старой философии, а нужно. Лучше собеседника для этого, чем Толстой я просто не могу найти.

Итак, главное для человека это чувство внутренней свободы. Мы всегда стремимся к наибольшей свободе. Некоторые даже «выдавливают из себя раба» по капле. Мы осуждаем сталинизм и всякую деспотию, мы не хотим идти в армию рядовыми солдатами, тем более садиться в тюрьму. Свобода нам дороже всего. Не возражаю, но сам же ЛН говорит, что, на самом деле, эта свобода сильно ограничена всегда и везде:

«... представление наше о свободе и необходимости постепенно уменьшается и увеличивается, смотря по большей или меньшей связи с внешним миром, по большему или меньшему отдалению времени и большей или меньшей зависимости от причин, в которых мы рассматриваем явление жизни человека...»

Так что, если мы рассматриваем такое положение человека, в котором связь его с внешним миром наиболее известна, период времени суждения от времени совершения поступка наибольший и причины поступка недоступнейшие, то мы получаем представление о наибольшей необходимости и наименьшей свободе. Если же мы рассматриваем человека в наименьшей зависимости от внешних условий; если действие его совершено в ближайший момент к настоящему и причины его действия нам недоступны, то мы получим представление о наименьшей необходимости и наибольшей свободе».

Понимаете суть этого рассуждения? Он говорит здесь о

том, что мы произвольно воспринимаем прошлое, как неизбежность, как свершившийся факт. Понимая ограниченность своей свободы в прошлом, мы спокойно смиряемся с этим, но в настоящем и будущем продолжаем считать себя совершенно свободными и вольными совершать те или иные поступки по собственному произволу. Нонсенс. Это же не свобода, это иллюзия свободы. И далее:

«Но ни в том, ни в другом случае, как бы мы ни изменяли нашу точку зрения, как бы ни уясняли себе ту связь, в которой находится человек с внешним миром, или как бы ни доступна она нам казалась, как бы ни удлиняли или укорачивали период времени, как бы понятны или непостижимы ни были для нас причины, – мы никогда не можем себе представить ни полной свободы, ни полной необходимости...»

Но даже если бы, представив себе человека, совершенно исключенного от всех влияний, рассматривая только его мгновенный поступок настоящего и не вызванный никакой причиной, мы бы допустили бесконечно малый остаток необходимости равным нулю, мы бы и тогда не пришли к понятию о полной свободе человека; ибо существо, не принимающее на себя влияний внешнего мира, находящееся вне времени и не зависящее от причин, уже не есть человек.

Точно так же мы никогда не можем представить себе действия человека без участия свободы и подлежа-

щего только закону необходимости».

Совершенно справедливо Толстой говорит здесь не о реальном положении вещей, а лишь об ощущениях человека. Но эти ощущения и составляют наши представления об истинности всего сущего, хотя это и не так.

«...если бы даже, допустив остаток наименьшей свободы равным нулю, мы бы признали в каком-нибудь случае, как, например, в умирающем человеке, в зародыше, идиоте, полное отсутствие свободы, мы бы тем самым уничтожили самое понятие о человеке, которое мы рассматриваем; ибо как только нет свободы, нет и человека. И потому представление о действии человека, подлежащем одному закону необходимости, без малейшего остатка свободы, так же невозможно, как и представление о вполне свободном действии человека».

Ну, и об истории человечества:

«Если воля каждого человека была свободна, то есть что каждый мог поступить так, как ему захотелось, то вся история есть ряд бессвязных случайностей».

Если даже один человек из миллионов в тысяче-летний период времени имел возможность поступить свободно, то есть так, как ему захотелось, то очевидно, что один свободный поступок этого человека, противный законам, уничтожает возможность существо-

вания каких бы то ни было законов для всего человечества.

Если же есть хоть один закон, управляющий действиями людей, то не может быть свободной воли, ибо воля людей должна подлежать этому закону.

В этом противоречии заключается вопрос о свободе воли, с древнейших времен занимавший лучшие умы человечества и с древнейших времен постановленный во всем его громадном значении».

Слишком малое количество людей читает вторую часть эпилога к «Войне и миру». Многие вообще никогда не читали и всю эту книгу, отвращенные гадким преподаванием литературы в школе. Если вы не читали, забыли или не очень понятно, о чем здесь говорит ЛН, я поясню.

Цель его философских отступлений в книге – прояснить роль ярких личностей в трагических событиях того времени, прежде всего Наполеона, Александра Первого, Кутузова и других. Для лучшей иллюстрации своих мыслей, Толстой уподобляет общество действующему войску, а войско – пирамиде, где в основании, в самой широкой части, находится большое количество солдат, чуть повыше, меньшее количество офицеров, еще выше, совсем уж небольшое количество генералов, а на самой вершине – полководец, якобы руководящий всем этим. Причем, чем ближе к вершине, тем меньше свободы. Почему? Да потому, что исторические со-

бытия, такие как война 1812 года, Бородинское сражение и проч. predetermined и не могут не состояться. Исход их тоже predetermined. Толстой доказывает это остроумно и интересно, я не буду пересказывать всего полностью, если интересно – перечитайте.

Сейчас, правда, большинство людей не разделяют этого мнения, считают, что все жизненные события случайны; случайно на Земле появилась жизнь, потом динозавры случайно эволюционировали в человека ну и так далее. Если вам так удобней и легче живется, пожалуйста, можете продолжать придерживаться этого мнения. Я лично разделял мнение Толстого. Я представлял себе жизнь, чем-то вроде дырчатого куска сыра, у которого есть вход (рождение) и выход (смерть). Эти точки фиксированы и predetermined. Где-то там, в глубине есть еще контрольные точки, которых тоже не минуешь, но остальной путь человек выбирает сам.

Представьте себе, входим мы в свой тоннель и двигаемся до первой развилки. Тут уже нужно принять решение – направо или налево? А развилок много и на каждой нужно решать, направо, налево или назад? При этом я верил в судьбу и считал, что некоторых заданных точек не минуешь, тем более последней – туда придешь точно в назначенное время.

Такой вариант развития жизни как раз иллюстрирует неопределенное соотношение случайного и необходимого, predeterminedности и свободы выбора. В толстовской пирамиде я занимал среднее положение и, по теории, имел впол-

не достаточно степеней свободы, и был вполне счастлив. Мог купить машину не очень дорогую, без лишних понтов, поехать на ней, куда захочу и вообще... до тех пор, пока не понял, что это всё одна видимость. Нет никакой свободы, совсем нет!

Давайте пойдем логическим путем, без всякой мистики. Я попал в некую точку во времени и пространстве заранее, за два года до этого predeterminedенную в моем же сновидении. Что в этом такого уж страшного? Может быть, это контрольная точка из моего сыра? Хотя странно, если б это был первый день на новой работе, как прошлый раз в лаборатории или это была бы свадьба, экзамен, ну хоть сколько-нибудь примечательное событие, тогда было бы понятно, а так? Но это еще полбеды, есть определенная вероятность случайности. А гаишнику ведь тоже за два года до этого тоже было назначено служить в ГАИ и стоять здесь со своей машиной, и мужику с запыленной Волги тогда еще суждено было быть остановленным этим гаишником. Предположим, даже после этого остается еще призрачная вероятность случайности, а что делать с водителем троллейбуса и десятком пассажиров, которых я запомнил в лицо? А сам троллейбус тоже ведь не мог попасть в аварию или быть списанным за это время.

А парень, что продал мне мой зеленый раритет, был обязан поехать в Прагу за богемским стеклом, и старый чех там обязан был продать ему свою гордость. Что? это я им всё это назначил? игрой своего мозга?

И дорожные рабочие не могли не отремонтировать асфальт на Дмитровке. Не могла начаться мировая война и никакая другая всемирная катастрофа, потому что в этом случае встреча всех этих людей на этом перекрестке была бы совершенно невозможна. Спросите любого математика, осталась ли хоть мизерная доля вероятности случайного развития событий? И он вам скажет – нет! Абсолютный ноль!

Следующий логический шаг понятен? Если для перечисленных мной двадцати человек нет ни малейшего свободного выбора, то его нет и для всех остальных. Для всего мира! Причем это касается не только человечества. Я ведь не мог не взять себе собаку, а собака за это время не могла от меня убежать. У меня в квартире не могли не завестись тараканы, иначе бы я не повез в ремонт микроволновку. Ну ладно, это всё от меня до последнего тараканчика живые существа. А «неживая» природа?

У Божка в это время сгорел дом в деревне. Он не мог не сгореть, потому что Божок без этого был бы другим человеком с другими поступками, а дом не мог бы загореться, если бы в него не ударила молния. А что это значит? Значит, над домом не могла не появиться грозовая туча, причем секунда в секунду, точно в назначенное время.

Вдумайтесь в то, что это означает в общем виде – запрограммировано всё, не только человеческие жизни, но и так называемые явления природы, как органические, так и неорганические.

Матрица! Стопроцентная предопределенность!

Теперь понимаете, чего мне больше всего захотелось сделать, когда я это всё понял и осознал? Мне захотелось застрелиться! Уничтожить себя, исполнить мысль Толстого: нет свободы, нет и человека!

И знаете, почему я не застрелился? Оружия у меня полно.

Простая логика – не судьба! Матрицей это событие не предусмотрено.

Но еще год, примерно, мне было очень плохо. Усугублялось это еще тем, что поделиться таким знанием практически ни с кем не возможно, всё приходится носить в себе. Я пытался рассказать самым близким, но видел, что это бесполезно. Они непроизвольно прятались, закрывались от такого знания. Для того чтобы такое знание принять нужно быть более или менее подготовленным.

Потом я начал писать книгу и мне стало легче. К концу этой работы надеюсь успокоиться совсем. В конце первой книжки я говорил о свободе после получения приказа. Это тоже свобода. Понятие свободы совсем неоднозначно. Надеюсь к этому понятию еще вернуться.

А к Вам, мой дорогой читатель, у меня предложение, не отвергать с порога рассуждения, изложенные в этой главе, и не считать сразу автора сумасшедшим, а порассуждать на предложенную тему чуть позже, отложив книжку в сторону. Представьте себе, что Вы предсказатель, Вольф Мессинг. Вы увидели и предсказали какое-то событие, а года через два-

три оно сбылось во всех деталях и подробностях. Какие из этого можно сделать выводы?

Если ваши выводы будут отличаться от моих, я не оби- жусь.

2. С понедельника – новая жизнь

Если вы приступили к чтению второй книжки, значит, вам еще не надоело читать моё правдивое повествование.

А почему, собственно должно надоеть? Смотрят же люди пятисотсерийные сериалы, да еще и обсуждают между собой, выйдет ли из больницы какая-нибудь Марианна после выкидыша? и возьмут ли её теперь замуж? И как посмотрит её отец Хулио на небогатого жениха?

А ведь это же всё – досужие вымыслы, а я вам пишу чистую правду. К тому же, у меня есть благородная цель – рассказать вам о необычайных случаях из моей жизни и разъяснить их смысл. Но, чтобы вы верно поняли значение этих событий, вы должны посмотреть на них как бы моими глазами и увидеть их в контексте общего течения времени. А для этого вы должны прожить вместе со мной хотя бы малую часть моей жизни.

Любая человеческая жизнь построена по законам классической трагедии, в ней всегда можно увидеть некоторую экспозицию – это условия жизни, родители и ближайшее окружение. Имеется много сюжетных линий: карьерная, любовная, духовная, наконец. Причем этих линий много. Однолюбы попадаютя редко.

И духовное развитие затаскивает нас то в одну, то в другую сторону. Кульминаций в жизни много и они никогда не

совпадают друг с другом. Согласитесь, трудно себе представить, чтобы карьерная кульминация совпала со столь же пиковой духовной составляющей, да и любовные взлёты, возникая, заглушают всё остальное.

А конец всегда трагичен. Конец у всех один, как говорят.

А я в этом сомневаюсь. Пойдемте со мной, мой читатель, и я вам покажу, что степень трагичности конца зависит от развязки, которую мы сами себе устраиваем.

Мы переехали на новую квартиру перед самым Новым годом, и встречали праздник, сидя на стопках книг у журнального столика. Несмотря на все неудобства, мы были вполне счастливы.

Наш новый дом был на самом конце города – из окон просматривалась кольцевая автомобильная дорога. Дом в народе называли Китайской стеной, потому что мы, из последнего подъезда садились в трамвай на первой остановке от конечной, вторая остановка была в середине дома, а жильцы из первого подъезда садились только на следующей. Наш дом закрывал целый квартал только что выстроенных домов, за которым начинался Алешкинский лес. Мы ходили в этот лес кататься на лыжах, а летом – просто гулять, тогда там еще были грибы и ягоды. Чуть дальше, за конечной шестого трамвая, если пройти мимо деревни Андреевки, был старый и очень приятный для прогулок парк Шмидта, где снимали «О бедном гусаре...». Между Шмидтом и Алешкинским лесом уцелел еще большой яблоневый сад. Одним словом, крас-

сота!

Но нужно было устраиваться на работу. Я перебрал несколько вариантов более ли менее рядом с домом и остановился на самом денежном варианте – Трикотажной фабрике. Это была образцово-показательная фабрика. Устроиться туда на ИТРовскую должность можно было только по блату, звоночек естественно сделали через мать. Я не думал, что на гражданке можно получать денег столько же, сколько в армии, разве можно было отказаться? Хотя...

Я увольнялся из армии, собственно, для перехода на службу в КГБ, но на мое место уже взяли другого, мне, правда, предложили в кадрах варианты, которые не устраивали уже меня. Одним словом, не сложилось.

Когда я пришел знакомиться с руководством фабрики, директрисы не было на месте. Принимала меня главный инженер, милейшая женщина. Она предложила мне поработать старшим инженером по научной организации труда, нарисовала мне кучу проблем, которые нужно срочно решать, и я загорелся. Я тогда еще не знал, что НОТ очень непрестижная работа, котируется ниже, чем инженер по ТБ или пожарник. Но всё зависит от человека, и я сумел немного приподнять этот самый престиж, расширив по собственной инициативе круг своих обязанностей. За это, правда, я получал на орехи, но это было уже позже, а в самом начале я был полон энтузиазма и радужных надежд. Хотя, я, наверное, отказался бы сразу от этой работы, ес-

ли б на работу меня принимала директриса.

Когда она вернулась из отпуска или с больничного, я не помню, и мы, в конце концов, с ней познакомились, я понял, что работать с этой женщиной будет весьма не просто. Первоначально я думал, что она обижена на то, что из министерства позвонили не ей, но потом понял – такая спонтанная взаимная антипатия, какая была у нас с нею, встречается не часто и имеет какую-то мистическую природу. Она методически, за редким исключением, отвергала все мои предложения о нововведениях, которыми я тогда просто бурлил, и вообще, всячески пыталась поставить на место. Мне говорили, что за глаза она отзывалась обо мне весьма лестно, но при личных столкновениях взаимная неприязнь всегда брала верх, пока мы с ней не разругались окончательно, после чего я ушел работать в цех, чтобы не посещать директорские совещания.

Если б я встретился с ней сразу, скорей всего я понял бы, почувствовал эту неприязнь и отказался бы от работы, но этого не произошло, и я проработал на фабрике около четырех лет. Наверное, тоже – Судьба.

В первые дни нового года, я услышал какое-то шевеление у соседей по квартире и вышел на площадку. Соседская дверь была распахнута настежь, и в глубине квартиры я увидел невысокого росточка майора с интересом разглядывавшего стены и потолок. Я поздоровался и зашел в его кварти-

ру. Познакомились. Звали его Котик, он преподавал китайский язык в институте военных переводчиков. Я ему сообщил, что уже не первого соседа китайца имею, спросил, не знавал ли он ЮПК, нашего соседа по Песчаной, оказалось что слышал о нем, но в живых не застал.

В это время появилась моя жена. Во, говорит, а планировка-то как у Мартыновых. Котик оказался внимательным – потом, при каждом удобном случае, например при покупке дивана или стиральной машины он говорил, что диван этот или что-то еще «прямо как у Мартыновых».

У Котика была жена и двое девочек. Довольно быстро они тоже заселились.

Заселялись они, как и мы, с поломкой лифта, ношением денег в диспетчерскую. Это была игра. Как на похоронах люди не жалеют денег на досадные мелочи, так и при переезде эти деньги уже приготовлены на премию грузчикам, на поломку лифта, на то, чтоб подмазать подделать. Единственно что, лифтер мог бы сам приходить за деньгами, а то, выставят дежурного и, как только подходит машина с мебелью, выключают лифт, а сами прячутся в диспетчерской. Найди её еще, эту диспетчерскую.

Нам всем «под большим секретом» дядя Ваня, за отдельную плату, поменял радиаторы отопления, за отдельную же плату мы получили особенную плиту. Газа в доме не было – плиты выдавали электрические. К этой электроплите мы долго не могли привыкнуть. Как-то, я поставил чайник и

жду, когда закипит, а он ни бе, ни ме. По простоте душевной, я пощупал ладонью соседнюю конфорку. Это было ощущение! Оказалась, что именно она была включена. Потом, неделю можно было «ходить на дело», отпечатков пальцев бы не оставил. Сгорели.

Наш дом, во всяком случае, наша его часть, принадлежал министерству обороны, и все имели отношение к армии. Соседом снизу, оказался подполковник Мотя, знакомство с которым получилось очень бурным. Мы с Котиками праздновали очередную стадию новоселья, когда в дверь позвонила дама в дорогом халате и в грубой форме заявила, что она соседка снизу, и мы им мешаем отдыхать. Известно, что грубость обычно вызывает только ответную грубость и, через несколько секунд, вместо оскорбленной соседки появился её супруг с претензией надавать нам по шее, за что тут же был чуть-чуть спущен с лестницы, всего на один пролет. В дальнейшем мы, конечно, общались нормально.

В самом начале года я тоже еще оставался частично военным. Я уже не ходил на службу, но офицерское удостоверение и смертный жетон еще не обменял на военный билет, к тому же в милиции потеряли мой паспорт. На некоторые встречи, например по устройству на работу, я ходил в форме. Так солидней, да и поизносился я тогда, в смысле штатской одежды.

Устраивать сына в детский сад я пришел в форме. В пакетике у меня была, конечно же, фанта и кое-что еще из

олимпийских наборов, которых при увольнении мы получали мешками. Молодая заведующая, краснея, сообщила мне, что мест в саду нет, но лично мне она отказать не может.

В форме же я поехал сдавать охотминимум. Дело в том, что мы с Набатом подали заявления в центральный Военохот, что на Смоленской площади, и идти туда в гражданке казалось неправильным. В пакетике с собой у нас было. Кто угадает с трех раз? Фанта, конечно, и что-то еще по мелочи. На экзамене мы оба несли какую-то ерунду, но, несмотря на странную серьезность, с которой относятся к этому делу в охотничьих обществах, экзамен у нас приняли и выдали охотбилеты даже без зачета по стендовой стрельбе.

3. Охота пуще неволи

Набат задолго перед этим облизывался на охотничьи дела. В те времена охотником стать было не так просто. Нужно было к заявлению приложить две рекомендации от охотников со стажем. В течение года после этого нужно было ходить на охоту без оружия, зарабатывать трудодни по заготовке веников, желудей и проч. По истечении года, кандидат допускался к сдаче экзаменов по стендовой стрельбе и теории охоты вперемежку с биологией дичи и кратким медицинским курсом. Всё вместе это называлось «охотминимум». В армии было вступить попроще, и Набат развернул в этом направлении бурную деятельность. Почему это дело протянулось до зимы? не помню.

Отец Набата (скульптор бессмертного быка на мясном павильоне) изображал из себя страстного охотника. Довольно часто встречаются такие охотники и рыболовы. Они говорят, что, как только появится возможность, они пойдут, и месяц, не отходя, будут сидеть у воды... или поедут в тайгу на охоту. Но возможность предоставляется, и они никуда не едут, и не идут, а продолжают сидеть дома и рассказывать, что если бы...

Так вот, Набат старший не только мечтал об охоте, он еще имел и ружьё, трофейный Зауэр с открытыми курками, но на охоту, конечно не ездил. Они с сыном и уговорили меня

купить курковку.

На Соломенной Сторожке (это название улицы в Москве, в районе сельхозакадемии) располагался в те поры маленький, но очень неплохой комиссионный охотничий магазин. Тогда еще в самом разгаре была кампания по легализации охотничьего оружия, и в комиссионках имелся огромный выбор подержанных ружей. Я не помню, в каком году ввели новые правила регистрации оружия, но, во всяком случае, в шестидесятые годы, гладкоствольное ружьё или мелкокалиберную винтовку можно было купить свободно, по предъявлению охотничьего билета.

В городах оружие можно было взять только в специальных магазинах, но в сельской местности, в глубинке, ружья продавались в обычных сельпо. Они лежали рядом с гармошками и балалайками. Потом всё усложнили. Для покупки оружия стали требовать специальных разрешений, а огромное количество оружия уже находившегося на руках в одночасье стало нелегальным. Может быть, что-то хорошее в этих мерах и было, но, во-первых, осталось очень много нелегального оружия, которое из обычного охотничьего инструмента стало криминальным; во-вторых, когда человек приходит покупать топор, с него же не требуют справку из психдиспансера? А топор не мене опасен. И главное – количество убийств ведь после этого не уменьшилось, это количество только растёт. Убивает ведь не оружие, убивает человек, и кто его знает, по каким причинам и чьему наущению?

Легализировать ружьё тогда было в принципе не сложно. Для этого нужно было ружье принести в милицию и изъять желание его зарегистрировать. Объяснения о происхождении оного принимались любые, например, дедушка на чердаке хранил, а я вот только что случайно обнаружил. Но, для того, чтобы стать полноценным владельцем, нужно было иметь охотбилет и все медицинские справки, а это имелось не у всех.

Некоторые вдовы просили оставить им ружья, как память об умершем муже, но, в таком случае нужно было снять бойки (что требует разборки всего спускового механизма), пропилить на станке казенную часть стволов и залить эти стволы металлом, например, расплавленным оловом. Будь на то моя воля, я бы попросил справку из психдиспансера у того, кто это придумал. Впрочем, у наших властей после каждого административного нововведения можно справку требовать. Бог им судья.

Одним словом в комиссионные магазины потек широкий поток ружей от бесправных на то владельцев. Сначала они выставлялись по настоящей цене, потом потихоньку уценивались и, после месячного стояния с ценником «5 руб.», списывались в утиль, т. е. на переплавку.

Я пришел на Соломенную Сторожку, имея на руках заветное разрешение, перебрал все ружья, стоявшие на витрине, и, когда уж совсем надоел продавщице, она провела меня за прилавок, в подсобку. Мама mio! Там оказался огром-

ный штабель, в котором как дрова лежало огромное количество ружей, гораздо больше, чем мог вместить прилавок. В результате я очень быстро взял совершенно неиспользованное, новенькое в масле ружье БМ, в простонародье «тулка», производства конца пятидесятых годов, почти бесплатно. Я мог бы за ту же цену взять ружье гораздо более престижное, но повторяю, у меня тогда сложилось твердое убеждение в преимуществе курковых ружей, и не только благодаря Набату старшему и младшему. Многие старые охотники предпочитали курковки и даже называли бескурковые ружья «комолыми». /Безрогая корова/ Кстати тулка, была хоть и дешевое, но очень хорошее и надежное оружие, выпускавшееся тульским оружейным заводом много, много лет. Из других видов оружия его можно сравнить разве что с револьвером Нагана.

Я сразу же обзавелся чехлом, патронташем, патронами и всеми необходимыми настоящему охотнику приспособлениями, которые знал еще по своей тульской практике. Но охота была закрыта, и мне приходилось только облизываться, доставая ружье из шкафа, собирая и протирая его, долгих полгода, пока мне удалось сделать из него первый выстрел.

В августе на той же Смоленке мы с Набатом взяли путевку в Виноградовское охотхозяйство. Хозяйство не самое крутое, не генеральское, но для утиной охоты вполне сносное. К тому же из Тушина мне было удобно туда добираться. Не близко, даже скорей наоборот, но удобно – я садился в метро

почти на конечной со своей стороны и ехал под всей Москвой до другой конечной, Ждановской (после смерти Жданова переименовали в Выхина). Там, не выходя на улицу, пересаживался в электричку и до места.

Ездили мы туда потом много раз, но в первый... впрочем, там никогда не было просто и однозначно.

В первый раз мы долго искали указанного в путевке егеря. На основной базе нам рассказали, куда идти и велели не беспокоиться, егерь де на месте, ночевать места хватит и т. п. Мы долго бродили по поселку и, в конце концов, нашли утлую избушку, которой предстояло стать нашим пристанищем. Я, признаться, ожидал от министерства обороны чего-то более приличного, но мы все тогда были не особенно притязательными и быстро успокоились, а напрасно – в доме нас ждала ужасающая картина.

Представьте себе, вы входите в незнакомый дом, а там... весь пол залит кровью, на кровати лежит, не шевелясь, окровавленный мужик... и тишина! Что делать?

Пока мы чесали репы, ситуация изменилась. В дом зашел средних лет, крепкий деревенский парень со светло-русыми волосами ёжиком, приветливо поздоровался с нами, куда-то вывел окровавленный труп, затер кровь с пола и пригласил нас за стол. Ситуация потихоньку прояснилась. Коля, так он представился, был братом егеря, того самого, что был унесен в окровавленном виде. И пояснил, что сам егерь только числится таковым, из-за пристрастия к алкоголю он не способен

к работе, и его обязанности исполняет он – брат.

Сам егерь за некоторое время до нашего прихода напился и решил поучить пса, которого мы обнаружили с поджатым хвостом под одной из кроватей. Этот пес жутко не любил пьяных и порвал «учителю» обе руки. Коля заверил нас, что до утра мы можем спокойно отдыхать, никто нас больше не потревожит, а утром он нас поведет на охоту.

Поохотились мы тот раз довольно весело, хоть и малорезультативно. Пес при осмотре на свету оказался породистым курцхааром, с ярко выраженной охотничьей страстью, но с огромным охотничьим дефектом – у него напрочь отсутствовало чутьё. Он был очень красив, но на охоте совершенно бесполезен. По этой причине, видимо, его бросил хозяин, и он прижился здесь.

После того раза я больше не видел ни Колю, ни его пса, потому что мы стали ездить в Виноградово уже без путевок на центральную базу к главному егерю, с которым в тот раз познакомились. Этим егерем оказался мальчишка, лет семнадцати, Славик. Главным егерем до того был его дед, но в тот год он умер, и Славик, все время болтавшийся раньше возле деда, занял его место. Славик был шептунной малый. То, что он шустрил в охотничий сезон, это было полдела – вне сезона он устраивал то отстрел ворон, то ловлю браконьеров, то еще чего-нибудь. Например, перед открытием охоты на следующий год он устроил собрание активистов с распределением лучших мест.

Собралось человек двадцать, в том числе и я. Набата почему-то не было. Меня всегда удивляла странная серьезность этих мероприятий. Ну, собрались и собрались, поговорили и к стороне. Нет! Славик устроил президиум, докладчик был...

Кстати это не его инициатива – он только попугайствовал, это везде было так.

Докладчиком был один очень странный человек, назовем его Мотя. Всесторонний активист МООиРа. Я его потом видел среди судей по стендовой стрельбе и где-то еще. Он на полном серьезе минут двадцать нес ахинею об успехах охотхозяйства в заготовке кормов и международной обстановке в целом. Дураков всегда и везде хватает, это понятно и не удивительно, но Мотя явно был психически ненормальным человеком, это сразу было видно по типичному лицу. Он запомнился мне добрым и даже в чем-то приятным человеком, но дебиллические черты лица и поведения были слишком явными. Вопрос: кто допустил его к охоте и к оружию? Как он получил справку в психдиспансере?

Как-то, уже осенью я нашел на базе его конспект доклада, он начинался словами: «Товарищи охотники!...». Я несколько раз перечитывал первую строчку и не мог читать дальше. Дальше, я прочитать так и не смог, слишком охотал.

В конце концов, официальная часть закончилась, и быстро были поделены зоны охоты. Мне вкупе еще с двумя

ребятами досталось небольшое озерко в центре угодий. Мы договорились о встрече в следующую пятницу, обговорили, кто что берет, в частности о том, что трех бутылок водки вполне достаточно. Забегая вперед, скажу, что после того открития, я больше не пью на охоте. Получилось как? В следующую пятницу я опоздал – задержался на работе. Ребята уже ушли, а мне добираться к озерку было поздно – темнело. Я остался ночевать в сенном сарайчике на базе с Бородой, тоже опоздавшим из другой группы.

Рано утром, еще по-темному, все ночевавшие на базе отправились по своим местам на машинах. Вообще, такие выходы выглядят как бандитский налет. В темноте вооруженные до зубов люди, возбужденные и слегка пьяные рассаживаются по машинам и с грубыми шутками и хохотом уезжают куда-то. Нас с Бородой подвезли только до конца поселка, сказав, что опоздавшим и здесь будет неплохо, и с гиканьем умчались дальше.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.